

Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ
К ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ ЛЕССИНГА

Библиографическая эвристика — наука об ориентировке в мире книг — была доведена П. Н. Берковым до степени искусства. Введя в широкий научный обиход самое понятие о ней, он показал этим особенность своего отношения к библиографии, в которой он видел не только сумму справок о книгах, но прежде всего рабочий инструмент, находящийся в действии, как бинокль или компас в руках мореплавателя.¹ Подобно этим приборам, библиографическая эвристика незаменима на старых книжных маршрутах, но ее методика ценна еще и тем, что помогает находить дороги в местах, где почти никто прежде не бывал. Даже если эти дороги не всегда приводят к значительным открытиям, они сослужат хорошую службу будущим исследователям.

Изучение восприятия творчества Г. Э. Лессинга в России столкнуло меня в свое время с одной библиографической загадкой. Решение ее было, впрочем, связано не столько с библиографическими разысканиями в собственном смысле слова, сколько с эвристикой в чистом виде, т. е. с практическим поиском книг.

Речь идет о библиотеке Лессинга, проданной с аукциона в Берлине осенью 1767 г. Предшествующая история этой библиотеки довольно подробно описана в первой научной биографии Лессинга, составленной Т. В. Данцелем и Г. Э. Гурауэром.² Библиотека была собрана Лессингом преимущественно в годы жизни в Бреславле (1760—1765). Занимая должность секретаря при прусском военном генерал-губернаторе, Лессинг посвящает свой досуг литературному творчеству и интенсивно занимается теорией и историей искусств. В это время им написана комедия «Минна фон Барнхельм» и создан знаменитый эстетический трактат «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии».³ Лессинг

¹ См.: Берков П. Н. Библиографическая эвристика. М., 1960, с. 27 и сл.

² См.: Danzel T. W. Gotthold Ephraim Lessing, sein Leben und seine Werke. Bd. 2. Abt. I von G. E. Guhrauer, Leipzig, 1853, S. 137—138.

³ Характеристику творчества Лессинга бреславльского периода см.: Гриб В. Р. Избранные работы. М., 1956, с. 52 и сл.; Фридендер Г. М. Лессинг. Очерк творчества. М., 1957, с. 81—109.

никогда не был библиофилом, собирателем книжных раритетов. Его библиотека носила исключительно рабочий, подсобный характер.⁴ Он охотно ссужал книгами своих друзей и, по-видимому, не всегда требовал книги обратно (кроме тех, разумеется, случаев, когда книги были нужны ему для работы). Тем не менее в его собрании встречались редкости — издания XVI и XVII вв.; очень богат был раздел периодики, насчитывавший около 750 томов. К моменту продажи библиотека в целом состояла приблизительно из шести тысяч книг, из которых Лессинг намеревался оставить у себя лишь незначительное число. Стремление освободиться от накопившихся книг объяснялось новыми планами Лессинга (в эти планы входило, в частности, основание собственного издательства), которые в конце концов свелись, как известно, к переезду в Гамбург, осуществленному за несколько месяцев до продажи библиотеки. Первоначально в задачу Лессинга не входило раздробление и публичная распродажа его собрания, но — такова судьба многих крупных личных библиотек — все книги сразу никто купить не решался, даже берлинские друзья Лессинга М. Мендельсон и Ф. Николаи, которые не могли не отдавать себе отчета в достоинствах этого собрания. Продажа с торгов была крайним, вынужденным средством добыть деньги. Но ожидаемой высокой прибыли аукцион не принес, и сумма была бы еще меньше, если бы основная часть книг не была закуплена для Варшавской общественной библиотеки, основанной братьями Залускими.

Таким образом, некоторое количество книг, ранее принадлежавших Лессингу, вошло в фонды огромной библиотеки Залуских, и след книг Лессинга потерялся среди нескольких сотен тысяч ее томов.

Основную роль в создании этой библиотеки сыграл младший из двух братьев Залуских, Юзеф-Анджей (1702—1774), крупный польский общественный деятель, библиофил и библиограф.⁵ С 1748 г. его библиотека в Варшаве была открыта для посещения, а в 1761 г. Залуский отказался от прав на нее, хотя и продолжал пополнять ее фонды. Почти в то же самое время, когда были куплены книги Лессинга, в октябре 1767 г., Залуский как активный противник русского правительства был арестован и сослан в Смоленск, затем в Калугу, где пробыл до 1773 г. В эти годы, так же как и после смерти ее основателя, библиотека управлялась церковным и государственным ведомствами, ее дела постепенно запутывались и приходили в упадок, книги зачастую расхищались и распродавались, библиографическая работа, по-види-

⁴ Совершенно так же относился к собственному, очень богатому книжному собранию П. Н. Берков, тем не менее его авторитет у советских библиофилов был чрезвычайно высок (см.: Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. Л., 1969, с. 152—153).

⁵ См.: Kograla J. Abriss der Geschichte der Bibliographie in Polen. Leipzig, 1957, S. 35—53.

тому, не велась на должном уровне, что, конечно, противоречило просветительским и патриотическим намерениям Ю.-А. Залуского.⁶

В 1795 г. книжное собрание Залуских было вывезено в Петербург, для того чтобы создать основу будущей Публичной библиотеки. Транспортировка книг была организована плохо, часть их, без сомнения, потерялась в пути. Сохранилось свидетельство об этом немецкого писателя и путешественника И. Г. Зейме, находившегося тогда на русской службе. Как вспоминал потом Зейме, ему случилось быть в рижской таможне, когда туда прибыл первый транспорт с книгами, предназначенными для Петербурга. «Ящики были упакованы примерно так, как пакуют табачные листья, — пишет Зейме. — Между Гродно и Белостоком я видел, как следовала в Петербург другая часть библиотеки. Дождевая вода проникала в разбитые ящики через все щели, книги вываливались, и целый воз их опрокинулся в канаву, в которой вся эта премудрость, сваленная в кучу, представляла собой печальную картину».⁷

До Петербурга дошло лишь около 250 тысяч томов, но и они некоторое время продолжали лежать в неразобранном виде в садовом павильоне Аничкова дворца, поскольку здание библиотеки не было выстроено. Да и затем книги разбирались медленно и описывались примитивно. Хищение и распродажа их продолжались и в Петербурге.⁸

Сомнение в том, что книги Лессинга при этих обстоятельствах могли сохраниться, вполне обоснованно. Однако Г. Э. Гурауэр, высказавший это сомнение в печати, не располагал никакими конкретными свидетельствами ни за, ни против своего предположения.⁹ Поэтому Н. Г. Чернышевский в одном из примечаний к своему труду о Лессинге предложил продолжить поиски в Петербургской Публичной библиотеке книг, принадлежавших основоположнику новой немецкой литературы.¹⁰

Поиски библиотеки Лессинга затруднялись также и тем, что его книги не имели экслибриса и, вероятно, могли не пройти «инвентаризации», попав в Варшаву. Если даже такие поиски ранее предпринимались (о чем мне не известно), то приходилось рассчитывать только на счастливый случай — на находку книги

⁶ О библиотеке Залуских см.: Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. Сост. под общей ред. Д. Ф. Кобеко. СПб., 1914, с. 4—16.

⁷ J. G. Seumes Sämtliche Werke, hrsg. und mit einem Vorworte begleitet von A. Wagner. Leipzig, 1835, S. 297—298.

⁸ См.: Имп. Публичная библиотека за сто лет..., с. 12. — Как видно из сказанного выше, книги Лессинга наряду с другими книгами библиотеки Залуских могли попасть в самые различные места — в города по пути следования из Варшавы в Петербург, в частные книжные собрания русской столицы и т. п.

⁹ См.: Danzel T. W. Gotthold Ephraim Lessing..., S. 137.

¹⁰ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1948, с. 128. — На это примечание впервые указал мне И. З. Серман, один из ближайших сотрудников П. Н. Беркова.

с маргиналиями, принадлежность которых Лессингу удалось бы доказать. Более определенное направление придали бы поискам точные сведения о составе библиотеки, проданной на берлинском аукционе. Такими сведениями мы не располагаем, однако некоторые известия о книгах, которыми пользовался Лессинг, все же имеются.

Начиная с 1751 г. на протяжении почти двух десятков лет Лессинг неоднократно обращался к капитальному «Словарю ученых» К. Г. Йохера (Лейпциг, 1750 — 1751), внося в него дополнения и поправки. Часть поправок была опубликована при его жизни, значительная же часть осталась в виде заметок на полях принадлежавшего ему и сохранившегося экземпляра словаря.¹¹ Заметки Лессинга к словарю Йохера свидетельствуют о его удивительной эрудированности в разных областях филологии и его обширных библиографических познаниях. Издавший эти заметки Ф. Мункер насчитал свыше сотни использованных Лессингом книжных источников (ряд ссылок остался нерасшифрованным).¹²

Попытка проверить хотя бы некоторые издания из этого списка по экземплярам Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде дала любопытные результаты. Испещренным пометами оказался старинный библиографический труд И. Г. Краузе «Подробная книжная история», на которую сослался Лессинг в замечаниях к статье об историке Мельхиоре Адаме из словаря Йохера.¹³

Графические особенности маргиналий на полях книги Краузе в общем отвечают тем характеристикам, которые присущи пометам Лессинга в словаре (чередование блеклых и ярких чернил, карандашные записи, отчеркивание на полях, скрупулезные исправления ошибок в именах собственных).

Расположение подчеркиваний и немногочисленных замечаний позволяет определить интерес читавшего к нескольким темам: к подробно изложенному в книге спору о подлинности найденной в XV столетии рукописи Квинтиллиана, к библиотечным каталогам австрийских монастырей и, наконец, к польской историографии, в которой читатель или владелец книги разбирался, по-видимому, не хуже, чем ее автор. Знание деталей ученой деятельности поляков можно приписать как Ю.-А. Залускому (который также имел обыкновение оставлять замечания на книгах своей

¹¹ Словарю Йохера посвящено 25-е письмо из второй части прижизненного издания сочинений Лессинга (1753). Полное издание дополнений Лессинга к словарю см.: G. E. Lessings Sämtliche Schriften, hrsg. von K. Lachmann, 3. aufs neue durchges. und verm. Aufl., besorgt durch Fr. Muncker, Bd. 22, Teil I. Berlin und Leipzig, 1915, S. 198—263.

¹² См.: M u n c k e r Fr. Neue Lessing-Funde. München, 1915.

¹³ Umständliche Bücher-Historie, oder Nachrichten und Urtheile von allerhand alten und neuen Schriften genauerer Untersuchung der Bücher-Wissenschaft aus vielen Auctoribus zusammen getragen und ans Licht gestellt von Johann Gottlieb Krausen, der 1. und 2. Theil. Leipzig, 1715—1716, 298 S.; см.: G. E. Lessings Sämtliche Schriften, Bd. 22, Teil I, S. 208.

библиотеки), так и Лессингу, сославшемуся на полях словаря Йохера на печатный каталог редких польских книг библиотеки Залуских.¹⁴ В одном из примечаний Краузе (с. 101) отчеркнуто на поле упоминание труда М. Адама «Vita Germanorum», что ведет нас к маргиналиям Лессинга в словаре Йохера, хотя Лессинг назвал там другую страницу книги Краузе (с. 88).

Несколько латинских и немецких слов, найденных на полях «Подробной книжной истории», можно приписать Лессингу только предположительно из-за отсутствия пространного текста. Во всяком случае почерк автора маргиналий — мелкий, довольно ясный, с несколько округлым начертанием букв — напоминает почерк Лессинга.¹⁵

Если даже эти сами по себе примечательные пометы на одной из старинных книг ГПБ не принадлежат руке Лессинга, способ поиска его библиотеки с помощью дополнений к словарю Йохера является, по-моему, перспективным.

¹⁴ Ср.: Janowski J. D. Nachricht von den in der hochgräflichen Zaluskishen Bibliothek sich befindenden raren polnischen Büchern, 5 Teile. Dresden, 1747—1753; см. также: G. E. Lessings Sämtliche Schriften, Bd. 22, Teil 1, S. 206.

¹⁵ О почерке Лессинга см.: G. E. Lessings Sämtliche Schriften, Bd. 22, Teil 1, S. 199.